

Прошло около двадцати минут, когда Гу Цинфэн услышал звонок в дверь. Открыв её, он увидел на пороге Чэн Но.

Чэн Но взмахнул контейнером с едой в руке и предложил:

— Поужинаем вместе?

Гу Цинфэн улыбнулся и, отступив в сторону, пропустил его внутрь.

Чэн Но принёс лёгкие домашние блюда. Гу Цинфэн сходил на кухню за тарелками и переложил в них всю еду.

Чэн Но постоял рядом, разглядывая его лицо, и вдруг схватил его за руку.

Гу Цинфэн поднял голову, озадаченно спросил:

— Что такое?

Чэн Но потянул его за руку, усаживая на стул, и произнёс:

— Цинфэн, тебя что-то тревожит? На душе кошки скребут?

Гу Цинфэн криво усмехнулся:

— Неужели так заметно?

Чэн Но протянул руку и слегка ущипнул его за щеку. Гу Цинфэн испуганно прикрыл лицо ладонью и отшатнулся. Чэн Но с некоторым смущением опустил руку и сказал:

— Весьма заметно. Говорить не хочешь — я и не буду допытываться, но как врач должен тебя предупредить: твоё тело сейчас не выдержит никаких потрясений. Заботься о себе как следует, в конце концов, здоровье у тебя одно.

Гу Цинфэн потрогал свою щеку и кивнул Чэн Но:

— Угу, спасибо за напоминание.

Чэн Но чуть заметно выдохнул и спросил:

— Где у тебя чашки и палочки? Я принесу.

Гу Цинфэну стало неловко заставлять гостя хлопотать, и он тут же поднялся:

— Сиди, я сам возьму.

За весь ужин Гу Цинфэн почти ничего не съел. Заметив, что аппетита у того нет и в помине, Чэн Но поинтересовался:

— Еда не по вкусу?

Гу Цинфэн покачал головой:

— Нет, просто у меня в принципе аппетит слабый.

Чэн Но отложил палочки и завёл новую пластинку с уговорами:

— Так дело не пойдёт. Нельзя же совсем не есть, ты...

— Чэн Но...

— М?

— Спасибо за заботу. Я понимаю, к чему ты клонишь, впредь буду осторожнее.

Услышав это, Чэн Но понял, что парню, пожалуй, неприятно развивать эту тему, и умолк.

— Ладно, больше не буду говорить. Главное, чтобы ты сам всё понимал.

Гу Цинфэн потчевал себя за виски, массируя лоб, и виновато произнёс:

— Прости, мои слова пару минут назад вовсе не означали, что ты надоел. Просто я...

— Я понимаю, всё в порядке, ешь давай.

После ужина Чэн Но не стал засиживаться. Он помог убрать со стола и ушёл, а заодно, уходя, прихватил с собой пакет с мусором.

*

Проводив Чэн Но, Гу Цинфэн принял душ и лёг в постель, но долго ворочался без сна — в голове непрерывной лентой крутились события сегодняшнего дня.

Хоть Гу Цинчэн и был тем ещё типом, но когда он услышал о его болезни, на сердце почему-то стало тяжело.

В конце концов, они родные братья по матери, и он искренне не желал, чтобы с тем что-то случилось.

Но...

Он протянул руку и коснулся своего бока: если его и впрямь заставят жертвовать почку, Гу Цинфэн всё же испытывал противное внутреннее сопротивление.

Стоило вспомнить, как все те, кого он раньше считал близкими людьми, приходили агитировать его за Гу Цинчэна, к горлу подступал ком.

На самом деле в его воспоминаниях из раннего детства, до пяти лет, Гу Цинчэн вовсе не был таким. Он даже мог отыскать в памяти милый образ того маленького ребёнка.

Гу Цинчэн с самого рождения отличался слабым здоровьем. Хотя они родились с разницей всего в пять минут, их физическое состояние кардинально различалось.

Со слов матери, когда она была беременна ими, здоровье её оставляло желать лучшего, а питательных веществ в организме хватало только на одного ребёнка — одно время они даже всерьёз подумывали отказаться от одного из малышей.

Но в итоге настояли на том, чтобы родить обоих. Иногда Гу Цинфэн думал: не из-за этого ли обстоятельства впоследствии Гу Цинчэн затаил на него столь сильную обиду?

С момента рождения Гу Цинчэн едва ли не каждые несколько месяцев загремал в больницу на неопределённый срок.

Поскольку Гу Цинфэн рос крепким, родители перепоручили его домашней няне, а сами всё своё время посвящали уходу за Гу Цинчэном.

В детстве ему безумно хотелось навестить младшего брата в больнице, однако родители боялись, что он потревожит покой Гу Цинчэна, и категорически не пускали его туда.

Как-никак они были родными братьями и на самом деле скучали друг по другу. В те дни Гу Цинфэн ежедневно молил небеса, чтобы младший братик поскорее поправился и вернулся домой играть с ним.

К тому же тогда Гу Цинчэн вовсе не был противным. Каждый раз возвращаясь из больницы домой, он неизменно семенил следом за Гу Цинфэном, слушая его рассказы о всяких занятных вещах, которых тот в своей больничной палате отроду не видел.

037 Зачем ты снова приплёлся ко мне?

Вот только в какой именно день Гу Цинчэн вдруг перестал тянуться к нему, начал нести всякую чепуху и разыгрывать перед родителями роль жертвы — оставалось загадкой.

Здоровье у Гу Цинчэна было ни к чёрту, так что родители изначально благоволили ему сильнее. К тому же Гу Цинфэна растила няня, жили они вместе редко, и родители даже полагали, что из-за няниного воспитания с малых лет толку от него не будет, отчего и вовсе отдалились от старшего сына.

Картинка перед глазами сменилась: он вдруг увидел двух абсолютно одинаковых малышей, стоявших во дворе виллы. Один качался на качелях, а второй стоял рядом и наблюдал.

Маленький Цинфэн поманил стоявшего в стороне ребёнка рукой и сказал:

— Чэнчэн, хочешь покататься на качелях?

Маленький Гу Цинчэн тупо смотрел на него. Тот улыбнулся, уселся на сиденье и снова поманил брата:

— Чэнчэн, иди сюда, я тебя покатаю.

Малыш по-прежнему не двигался с места. Гу Цинфэн чуть слышно вздохнул и только собрался сойти вниз, как Гу Цинчэн внезапно бросился на него и столкнул с качелей...

Гу Цинфэн резко распахнул глаза и сел на кровати. Неизвестно, в какой момент он заснул, но его одолел кошмар.

Пусть это был всего лишь сон, но сцена эта действительно имела место в прошлом.

В тот день, когда Гу Цинчэн столкнул его с качелей, сам зачинщик ни капли не пострадал, но по закону подлости откуда-то издали послышался голос Госпожи Гу.

Испугавшись, Гу Цинчэн замешкался и не успел отскочить, прямо угодив под раскачивавшиеся сиденье, после чего плашмя рухнул на землю.

Тогдашний Гу Цинфэн не отличался хитростью, к тому же был на удивление крепким

мальчишкой: упал, встал, отряхнул грязь с колен — и снова готово милое чадо.

Поэтому, подойдя ближе, Госпожа Гу первым делом увидела стоящего Гу Цинфэна и лежащего на земле Гу Цинчэна.

Не став ни о чём расспрашивать, она тут же набросилась на него с упрёками. Гу Цинфэн попытался было открыть рот и оправдаться.

Но услышал, как Гу Цинчэн шепчет маме:

— Мамочка, не ругай старшего брата, он нечаянно.

Тогдашний Гу Цинфэн с абсолютным шоком на лице уставился на прижавшегося к материнскому телу брата, думая про себя: как же он смеет лгать?

Вскоре Госпожа Гу подхватила Гу Цинчэна на руки и ушла, оставив его стоять в наказание в углу.

Гу Цинфэн послушно стоял навтыжку, спрятав за спину руки и стараясь сжать в кулак содранную коленку. Глядя на удаляющуюся спину матери, уносившей Гу Цинчэна, он чуть не плакал.

Ему даже показалось, что прильнувший к материнскому плечу Гу Цинфэн бросил на него странный, торжествующий взгляд.

Вероятно, из-за того, что родители вечно пропадали вне дома, Гу Цинфэн отчаянно жаждал их тепла и не смел перечить ни единому слову.

Велела Госпожа Гу стоять — он стоял столбом. А лето выдалось капризным: погода менялась стремительно, дождь мог хлынуть в любой момент.

Не успела мать отойти и на десяток шагов, как Гу Цинфэна накрыло стеной проливного ливня, вымочив до нитки. А в особняке Госпожа Гу весь день тряслась над упавшим младшеньким, опасаясь каких-либо последствий, и ходила за ним по пятам.

Оставленный под дождём Гу Цинфэн был давно забыт.

Лишь вернувшаяся из отпуска из деревни няня обнаружила, что мальчика нет на месте.

Обыскав особняк сверху донизу, она наконец нашла в дальнем углу заднего двора потерявшего сознание маленького Цинфэна.

Непрекращающаяся высокая температура заставила Гу Цинфэна наивно надеяться, что теперь-то, раз он заболел, ему перепадёт материнская ласка, какой окружали Гу Цинчэна.

Но он никак не ожидал, что вместо материнской нежности его встретит лишь шквал обвинений.

Госпожа Гу, тыкая пальцем в лежащего на больничной койке сына, гневно выпалила:

— Ты совсем дурак, что ли? Лил такой ливень, неужели мозгов не хватило вернуться в комнату? Твой брат и так слаб здоровьем, из-за него хлопот полон рот, так ты ещё тут удумал вредничать и мотать мне нервы своей болезнью! Ну и сынок же ты у меня!

Тогда Гу Цинфэн был слишком мал — лет четырёх-пяти от роду, — он абсолютно не понимал скрытого смысла материнских упрёков. Он уразумел лишь одно: у мамы было ужасно сердитое лицо, мама разозлилась из-за него, а значит, впредь ему нужно вести себя ещё послушнее.

Гу Цинфэн пролежал в больнице неделю. За всё время Госпожа Гу заглянула к нему лишь в ту злосчастную ночь, чтобы отчитать, да ещё разок заглянула вместе с отцом — и больше они не показывались.

Гу Цинфэн каждый день донимал няню расспросами:

— Няня, папа с мамой уехали в командировку? Почему они не навещают меня?

Сперва няня пыталась утешить его ложью:

— Твои папа и мама очень заняты, наверное, придут навестить тебя вечером.

Ради этих слов Гу Цинфэн боялся уснуть раньше времени. Изнемогая от дремоты, он из последних сил заставлял себя бодрствовать, выжидая прихода родителей.

Но всякий раз его жгло горькое разочарование: они больше так и не пришли, потому что были заняты тем, что ублажали младшего сыночка этажом выше.

Даже бредя в горячке, маленький Цинфэн во сне безостановочно твердил:

— Мама, я буду послушным, не уходи...

Няне было безумно жаль мальчика: такой смышлённый ребёнок, а хозяйской любви не видит. Она ночами качала его на руках и пела колыбельные, пытаясь успокоить.

Сколько ни вспоминал Гу Цинфэн, в самую пору раннего детства, когда закладываются первые воспоминания, в его памяти не было ни единой капли родительской ласки.

Именно с той поры Гу Цинчэн и начал отчуждать его всё более странными выходками.

Сидя на краю кровати, Гу Цинфэн массировал тупо нывшую голову, поднялся и поплёлся в гостиную попить воды. Свет он зажигать не стал, поэтому, проходя мимо дивана, неуклюже налетел на него бедром.

То ли от резкой боли, то ли от тяжести нахлынувших воспоминаний Гу Цинфэн осел прямо на пол, а по щекам безостановочно застучали крупные слёзы.

Эту накопившуюся в душе обиду он никогда и никому не поверял.

Потому что знал: никто на самом деле не захочет его слушать.

*

С того самого дня Гу Цинфэн добрые несколько недель не видел ни Чэн Цзиньняня, ни кого-либо из семьи Гу.

Впрочем, он и не возражал против такого покоя, не собираясь навязываться кому-то со своими проблемами.

Вот только по ночам, в час пограничья, ему неизменно чудились сны о Чэн Цзиньняне и их детских годах. Каждый раз он просыпался в холодном поту, садился на постели и часами смотрел на черноту за окном, погружаясь в оцепенение на всю ночь.

В следующий раз Чэн Цзиньнянь появился как в прошлый раз — с настойчивым звонком в дверь, а когда Гу Цинфэн отворил, так же уверенно и привычно перешагнул порог.

Однако на сей раз вид обоих мужчин поверг их во взаимный шок.

Поскольку Гу Цинфэн дурно питался и плохо спал, и без того худой от природы, он сейчас заметно осунулся, источал ауру полного упадка сил.

Но чего Гу Цинфэн никак не ожидал, так это того, что Чэн Цзиньнянь тоже дойдёт до столь жалкого состояния — видимо, сказались тяжёлые переживания из-за Гу Цинчэна.

Они молча таращились друг на друга какое-то время, пока Гу Цинфэн первым не нарушил тишину:

— Зачем ты снова приплёлся ко мне?

Чэн Цзиньнянь, судя по всему, провёл на ногах всю ночь: его подбородок покрывала щетина, под глазами залегли жуткие тени, а голос звучал хрипло и надтреснуто:

— Насчёт Цинчэна... Я бы хотел кое о чём переговорить с тобой.

038 Невозможно скрыть, что ты подонок

Гу Цинфэн перегородил проход телом, не выказывая ни малейшего намерения впускать гостя.

Чэн Цзиньнянь постоял на пороге, сверля его взглядом, затем отстранил его руку и протиснулся в узкую щель.

— Это не займет много времени.

Видя, что визитёр не настроен драться, Гу Цинфэн позволил ему пройти и запер за ними дверь.

Заметив на журнальном столике коробочку из-под лапши быстрого приготовления, из которой ещё поднимался лёгкий парок, Чэн Цзиньнянь не удержался от вопроса:

— Ты питаешься только этим?

Гу Цинфэн уселся на диван, подхватил нетронутую порцию лапши и швырнул прямо в мусорное ведро на кухне.

Вернувшись в гостиную, он обнаружил, что Чэн Цзиньнянь шарит глазами по углам, осматривая его жилище.

Гу Цинфэн не выходил из дому несколько дней: сплошной сон да просмотры фильмов на диване. Шторы были задёрнуты, отчего в квартире царил полумрак, усиливавший гнетущую атмосферу и без того пустующего просторного помещения.

— Выкладывай, что у тебя за разговор, — голос Гу Цинфэна резко вернул его к реальности.

Странное дело, но сегодня этот вид Гу Цинфэна вызывал в нём куда меньше раздражения, чем обычно.

Поймав на себе его оценивающий взгляд, Гу Цинфэн почувствовал лёгкий дискомфорт и молча указал кивком на диван, предлагая присесть.

Чэн Цзиньнянь послушно занял место напротив, но стоило ему открыть рот, как пронзительная трель мобильного телефона оборвала его на полуслове.

Гу Цинфэн нащупал лежавший на столике аппарат и бросил:

— Прошу прощения, отвечу.

Он поднялся с места и направился к панорамному окну балкона, попутно принимая вызов.

Оказавшись на балконе, Гу Цинфэн привычным движением раздвинул тяжёлые портьеры. Яркие лучи полуденного солнца хлынули в комнату, заставив его зажмуриться от непривычки и прикрыть глаза рукой.

Чэн Цзиньнянь неотрывно следил за его спиной, механически перебирая пальцами. Неожиданно в нём шевельнулось странное томление по телу этого человека.

При всей болезненной худобе Гу Цинфэна, бёдра у него были на редкость ладными и упругими.

Раньше, беря Гу Цинфэна сзади, Чэн Цзиньнянь в те моменты неизменно ловил себя на мысли: а так же ли хорош Гу Цинчэн?

Но сейчас, глядя на Гу Цинфэна, он с удивлением понял, что в голове больше нет подобных сравнений.

Звонок завершился быстро. Стоило Гу Цинфэну обернуться, как он столкнулся с обжигающим, блуждающим по его телу взглядом Чэн Цзиньняня.

Такой взгляд он знал слишком хорошо: в былые времена, глядя так, Чэн Цзиньнянь был готов буквально растерзать его и сожрать заживо.

Сделав паузу, Гу Цинфэн подошёл ближе и произнёс:

— Ну? Я слушаю.

Чэн Цзиньнянь сглотнул, смочив пересохшие губы, и попросил:

— Налей мне воды, пожалуйста.

подавив желание закатить глаза, Гу Цинфэн вернулся на кухню, достал из холодильника бутылку минералки, грохнул её перед гостем на стол:

— Другой нет.

Чэн Цзиньнянь подхватил бутылку, отвинтил крышку, сделал глоток и, глядя на него, вымолвил:

— Цинчэн плох... Ты... Не мог бы ты съездить со мной, навестить его?

Гу Цинфэн насмешливо фыркнул:

— А Гу Цинчэн в курсе, что ты явился ко мне? Едва ли он горит желанием меня видеть.

— Вовсе нет, — взволнованно возразил Чэн Цзиньнянь. — Цинчэн все последние дни только и делает, что вспоминает тебя, спрашивает, не держишь ли ты на него зла и почему не приходишь. Цинфэн, он ведь считает тебя старшим братом, неужели трудно проявить каплю человечности?

Услышав это, Гу Цинфэн понял, что конструктивного диалога не выйдет, но всё же сдержался и бросил напоследок:

— А ты не догадался спросить у своего ненаглядного Гу Цинчэна, почему я к нему так отношусь?

— И почему же?

Гу Цинфэн криво усмехнулся:

— Полагаю, у тебя хватило бы ума догадаться самому.

Поразмыслив пару секунд, Чэн Цзиньнянь помрачнел лицом:

— Я знаю, что развод с тобой нанёс тебе тяжелую травму, да и мужем за три года брака я оказался никудышным, но Цинчэн здесь абсолютно ни при чём.

Гу Цинфэн вдруг звонко расхохотался:

— Гляди-ка, а ты ведь и впрямь до безумия влюблён в Гу Цинчэна. Раз уж ради него принялся заниматься самоанализом, то не преминул бы узнать: заплачет ли он от умиления, услышав это?

Поведение Гу Цинфэна, полное сарказма, мгновенно вывело Чэн Цзиньняня из себя:

— Гу Цинфэн, что бы ты ни думал, Цинчэн считает тебя родной кровью, я сам видел, как он к тебе тянется! Если в тебе осталась хоть капля совести, поезжай в больницу!

От этих речей лёгкие Гу Цинфэна буквально зашлись от гнева — ему так и хотелось рывкнуть в лицо собеседнику: Чэн Цзиньнянь, мать твою, ты ослеп совсем, что ли?!

Разумеется, кричать он не стал. Гу Цинфэн лишь запечатлел на лице всё ту же блёклую улыбку, в то время как во взгляде плескалось чистейшее презрение.

— Боюсь, придётся тебя разочаровать. Даже если Гу Цинчэн подохнет сегодня прямо на больничной койке, я и глазом на него не косясь.

Меньше всего на свете Чэн Цзиньнянь сейчас желал слышать слово сдохнет, особенно когда речь шла о Гу Цинчэне. Его переполнило слепое бешенство:

— Гу Цинфэн, советую не испытывать моё терпение!

Словно пропустив мимо ушей угрозу, Гу Цинфэн холодно указал на выход:

— Раз уж всё, что хотел, мистер Чэн уже изложил, у меня найдутся дела поважнее. Задерживать не стану, прощай.

Вспылив окончательно, Чэн Цзиньнянь вскочил с дивана, перемахнул к нему, вцепился в воротник и вжал Гу Цинфэна в диван.

— Какое тебе к чёрту прощай! Не нарывайся на неприятности, Гу Цинфэн! Ты в самом деле думаешь, что на тебя не найдётся управы?

Из-за туго стянутого на горле воротника Гу Цинфэн начал задыхаться, лицо его побагровело:

— Чэн Цзиньнянь... кроме как распускать руки, ты ни на что не годен. Только теперь до меня дошло, какой же я был слепой дурак, раз связался с тобой. Меня тошнит от тебя!

Чэн Цзиньнянь прожигал его тяжёлым взглядом, в котором klokотала нескрываемая ярость:

— Смеешь повторить?

Неизвестно, откуда в Гу Цинфэне взялась эта дерзость, но он выдохнул ему в лицо:

— Хоть десять, хоть сто, хоть тысячу, хоть миллион раз повторю: это никак не отменит того факта, что ты конченный подонок!

Терпение Чэн Цзиньняня лопалось окончательно. Наклонившись, он грубо впился в его непрерывно изрыгающие оскорбления губы. Гу Цинфэн забился под ним, пытаясь оттолкнуть, но это лишь заставило Чэн Цзиньняня усилить напор — их позиции ничуть не изменились.

Спустя вечность Чэн Цзиньнянь наконец отпустил его. На губах обоих алели следы запекшейся крови, выглядевшие жутковато.

Особенно когда Гу Цинфэн, кривя окровавленный рот в ухмылке, бросил:

— Чэн Цзиньнянь, интересно, если Гу Цинчэн узрит тебя в таком амплуа со мной, что он о тебе подумает?

Лицо Чэн Цзиньняня окаменело. Во взгляде сверкнула хищная сталь: он мёртвой хваткой вцепился пальцами в его горло и прошипел:

— Узнай он об этом — твоя смерть будет мучительной!

Гу Цинфэн вытянул шею навстречу его пальцам:

— Так придуши меня прямо здесь, слабо? А после вырежи почку и беги спасать свою драгоценную цацу.

Дыхание Чэн Цзиньняня, обжигавшее его лицо, на миг замерло, а затем сменилось зловещей ухмылкой:

— Гу Цинфэн, зря ты меня провоцируешь. Не думай, что у меня рука не дрогнет. Если и впрямь припрёт к стене, я не побрезгую этим способом — только потом смотри у меня, не вздумай вымаливать пощаду!

С этими словами Чэн Цзиньнянь разжал пальцы на его шее, презрительно потрепал по щеке тыльной стороной ладони и зловеще улыбнулся.

039 Он жених моего младшего брата

Высказав напоследок эти угрозы, Чэн Цзиньнянь удалился.

Перед самым уходом он выдал ещё одно принудительное предостережение:

— И последнее: не вздумай делать из Чэн Но свою спасительную соломинку. Он тебе не пара, да и сам по себе гнилой человек.

Слушая его плевки в спину, Гу Цинфэн испытывал одновременно горькую иронию и смех:

— Сам-то — ходячее воплощение мерзости, с какой стати судить других?

<http://bllate.org/book/20420/2039752>